

Пока мы так спорили, брат Рено де Вишье, который был маршалом ордена храмовников, вмешался в наш разговор и сказал: «Ваше величество, позвольте прервать эту ссору. Ибо мы действительно не можем отдать хоть часть этих денег без того, чтобы не нарушить нашу клятву. Но в совете вашего сенешаля, а именно не одолжить денег, а просто дать их, я не нахожу ничего странного, и вы должны действовать так, как вам кажется лучше. Как бы то ни было, если вы возьмете то, что у нас есть здесь в Египте, то не меньше вашего добра имеется у нас в Акре, и вы легко сможете отдать нам соответствующую компенсацию».

Я сказал королю, что, если ему угодно, я пойду и возьму эти деньги, и он приказал мне сделать это. Так что я поднялся на одну из галер, принадлежащих храмовникам, фактически на флагманскую, и поскольку я собирался спускаться в трюм, где хранилась казна, то попросил командора храмовников пойти со мной и посмотреть, что я беру, но он не снизошел до этого. Тем не менее маршал сказал, что он пойдет и будет свидетелем насилия, которое я учиняю.

Как только я спустился к хранилищу сокровищ, то попросил у казначея храмовников, который тоже был здесь, передать мне ключи от сундуков, что стояли передо мной. Но он, видя, в каком я изможденном и измученном состоянии из-за болезни, ответил, что никаких ключей мне не даст. Я увидел лежащий рядом тесак, схватил его и сказал, что, как слуга его величества, использую вместо ключа. Маршал схватил меня за запястье и сказал мне: «Поскольку вы в самом деле собираетесь использовать против нас силу, мы дадим вам ключи». Он приказал казначею вручить их мне, что тот и сделал. Когда маршал сказал ему, кто я такой, тот потерял дар речи.

Открыв один из сундуков, я обнаружил, что он принадлежит Никола де Шуази, оруженосцу короля. Я выгреб из него все деньги, которые нашел внутри, затем вернулся на баркас, который доставил меня на корабль, и сел на носу. Маршала Франции, который прибыл со мной, я оставил на галере с деньгами. Маршал передал их храмовнику, а тот переправил их на баркас, где я сидел. Когда мы возвращались к галере короля, я стал кричать ему: «Мессир, мессир, посмотрите, как хорошо я справился!» Этот праведный человек был очень доволен и приветствовал меня с большой радостью. Все привезенное мной мы передали людям, которые готовили деньги для выкупа.

После того как советники короля, отвечающие за передачу, закончили свои подсчеты, они пришли к королю и сказали, что сарацины не согласны отпустить его брата, пока у них на руках не окажутся все деньги. Некоторые члены совета придерживались мнения, что король не должен передавать деньги, пока не вернется брат. Король ответил, что отдаст деньги, потому что обещал сарацинам, что же до них, то если они решат вести себя честно, то выполняют данное ему обещание.

После того как выплата была произведена, Филипп де Немур сказал королю, что, готовя деньги, они, наверно, обсчитались, потому что сарацины говорят, что не доложены десять тысяч ливров. Король сильно разгневался и сказал, что, раз он обещал сарацинам выложить двести тысяч ливров до того, как покинет реку, он настаивает, чтобы им были возвращены недостающие десять тысяч. Я наступил мессиру Филиппу на ногу и сказал королю, чтобы он не верил ему, потому что сарацины умеют считать деньги, как никто на свете. Мессир Филипп признал, что я прав, и добавил, что он всего лишь пошутил. Король сказал, что такие шутки неуместны и отличаются плохим вкусом. «Я приказываю вам, – сказал он мессиру Филиппу, – как своему верному вассалу, что, если случайно вы не доплатили сарацинам десять тысяч ливров, вы без промедления выложите их».

Многие из приближенных короля советовали перебраться на его корабль, который ждал в море, чтобы вырваться из рук сарацин. Но он отказался их слушать, заявив, что останется на реке, пока не уплатит сарацинам все двести тысяч ливров, как и обещал им. Тем не менее, как только эти расчеты будут закончены, сказал нам Людовик, он с этого момента будет считать себя свободным от всех своих обещаний и мы без предупреждения покинем реку и уйдем в море к кораблю, который ждет нас.

Скоро наша галера снялась с места и поплыла вперед, но мы преодолели больше лиги прежде, чем обменялись хоть словом со спутниками. Все мы были очень расстроены, что оставляем в плену графа де Пуатье. И тут нас нагнал на галеоне Филипп де Монфор. «Мессир, мессир, – радостно закричал он королю, – я говорил с вашим братом, графом де Пуатье, который на другом судне!» – «Возрадуйтесь! – вскричал король. – Зажечь все огни!» Что сразу же было сделано. Радость, которую мы испытали в этот момент, просто невозможно описать. Король перешел на корабль, где находился его брат, и мы последовали за ним. Бедный рыбак, который явился сообщать графине де Пуатье, что видел, как освобождают ее мужа, получил от нее двадцать парижских ливров.

Прежде чем двинуться дальше, я должен не забыть рассказать вам о некоторых событиях,